Соционические типы героев романа Чернышевского "Пролог"

«Уже несколько лет тому назад термин "нигилист" стал слишком тесен для обозначения совокупности лиц, которые встали в оппозицию к обществу, его обычаям и существующему устройству. В вышедшем в то время сочинении, коего автор подвергся судебному преследованию, этот термин был заменен более широким и выразительнейшим названием: "отщепенец" ». Из всеподданнейшего отчета III отделения собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1869 год.

Вступление

Однажды я попала на выставку, посвященную жизни и деятельности императора Александра II. Это было незадолго до открытия собора Спас-на-Крови. На выставке были представлены экспонаты из многих музеев. Нам показывали подлинные вещи царя, рассказывали о реформах, которые он проводил, а в конце я услышала следующий диалог между экскурсоводом и пожилой женщиной: — Скажите, пожалуйста, за что это убили такого хорошего царя? —

Ах, видите ли, ведь это же Россия, у нас нетерпение

! Мы не можем спокойно проводить реформы, как это делали в Европе.

— *Так это все политика? А я думала, что это как-то связано с его семейной жизнью.*

— *Да нет, что вы. Разумеется, это политика.*

По-моему, в этом диалоге отразился тот взгляд на революционеров, который распространился в перестройку и особенно в 90-е годы: их стали считать людьми вне общества или, как выражались в 19-м веке, *отщепенцами*

. В 1866-м году в свет вышла книга «Отщепенцы» Николая Соколова. Ее сразу же запретила цензура, и автор был отправлен в крепость и последующую бессрочную ссылку, из которой сбежал за границу. Этой книжкой зачитывались такие известные революционеры, как Петр Кропоткин и Николай Морозов. В ней изложена история социалистической мысли от древнеримских стоиков до Прудона. Христианам посвящена целая глава, и она написана так, что нетрудно заметить несомненное родство между ними и революционерами: «

Богатый дрожит за свой дом, за свою собственность и находится в вечном страхе, чтобы его не ограбили. Но бедный всегда на все готов; у него нет этой заботы

». «

Сколько богатых, сколько сильных людей было во времена царя Ирода? Но кто восстал против него? Кто покарал тирана? ... — пустынножитель Иоанн

». «

Все, что есть мудрого и сильного на свете, восстает против невежественных бедняков,

отщепенцев римского общества. Христианам остается в утешение только видеть, как с каждым днем возрастают беззакония старого мира и как он все ближе и ближе подходит к своей пропасти

». После революции были написаны горы книг о революционерах, созданы сотни фильмов. Все, кого называли мастерами культуры, считали себя обязанными, или их обязывали, сделать что-нибудь на революционную тему. И вот, пожалуйста: «А зачем они становились революционерами? Им что, делать было больше нечего?». Если сейчас кто-нибудь попытается сравнить русских революционеров с христианами первого века, его даже слушать не будут, сразу же переведут разговор на другую тему. Я знаю это по собственному опыту. Выход один: надо заново изучать историю русского революционного движения. Соционика может оказать в этом деле неоценимую пользу. Но прежде всего надо читать самих революционеров, и лучше всего начать с книги Чернышевского «Пролог». В ней он уже не был связан цензурными рамками и написал все, что думал о так называемых «великих реформах», которые теперь называют великими безо всяких кавычек. Я вижу свою задачу в том, чтобы определить соционические типы трех революционеров: Волгина, Соколовского и Левицкого и описать интертипные отношения между ними и другими персонажами книги. Надеюсь, что это поможет ответить на вопрос, зачем люди становились революционерами.

Алексей Иванович Волгин (IL (ИЛЭ))

«— А знаешь ли, о чем я думал, голубочка? Когда ж это будут у тебя свои лошади? — Довольно смешно вздыхать, мой друг. Теперь мы живем хорошо; со временем будешь получать больше. Тогда куплю себе и лошадей. А пока отучайся не спускать с меня глаз: это забавно.

— Твоя правда, голубочка

». Алексей Иванович Волгин был успешным журналистом, который постепенно приобретал известность и влияние. Готовились реформы, которые должны были в корне изменить жизнь России, поэтому журналисты становились более важными людьми, чем министры. Сам Савелов (LF (ЛСИ)) — государственный человек, принимавший непосредственное участие в подготовке реформ, был не прочь завести с ним знакомство. Но вместо того, чтобы радоваться, Волгин тревожился: «*Пока все тихо, то ничего. Но как я говорю, и сама ты знаешь, дела русского народа плохи. Перед нашею свадьбою я говорил тебе и сам думал, что говорю пустяки. Но чем дальше, тем виднее, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего неприятного тебе. Но не могу не видеть, что через несколько времени...*

». Она не дала ему договорить, убежала в другую комнату и там рыдала, прижимая сына к груди: «

Володя, мы с тобою будем сиротами!

». Чтобы понять ход его мыслей, надо узнать, что он думал о так предполагаемых реформах и прежде всего о самой главной из них, крестьянской реформе. Он обсуждал эту реформу с другим героем романа, Соколовским. В то время шла борьба между прогрессистами и помещичьей партией из-за того, с землею или без земли освобождать крестьян. Соколовский считал, что это колоссальная разница, а Волгин — что ничтожная: «

Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее у человека, но взять с него плату за нее, — это все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что он проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, — вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, те купят землю. У кого их нет, тех нечего и обязывать покупать ее: это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка. Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли

». Соколовский возразил, что освобождение без выкупа и с землей невозможно. Волгин согласился и добавил: «

Я и говорю: вопрос поставлен так, что я не хочу нужным горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет их освобождать — либералы или помещики. По-моему, это все равно. Помещики даже лучше

». Мне приходилось читать и слышать, что Чернышевский предпочитал помещичий вариант по принципу «чем хуже, тем лучше», то есть он думал, что крестьяне быстрее восстанут, если их освободить без земли. Мне кажется, он выразился достаточно ясно. Впоследствии Ленин подвел итог крестьянской реформы: «

1861 год породил 1905 год

». Другой персонаж, Владимир Левицкий, записал в своем дневнике свой разговор с Волгиным о европейских делах: «

В 1830 году буря прошумела только по Западной Германии; в 1848 году захватила Вену и Берлин. Судя по этому, надобно думать, что в следующий раз она захватит Петербург и Москву.

Верно ли это? Верного тут ничего нет; только вероятно. Отраднa ли такая вероятность? По его мнению, хорошего тут нет ровно ничего.

Чем ровнее и спокойнее ход улучшений, тем лучше. Это общий закон природы: данное количество силы производит наибольшее количество движения, когда действует ровно и постоянно; действие толчками и скачками менее экономно.

Политическая экономия раскрыла, что эта истина так же непреложна в общественной жизни. Следует желать, чтобы все обошлось у нас тихо, мирно. Чем спокойнее, тем лучше.

Но так или иначе, придет серьезное время. Почему это несомненно? Потому что связи наши с Европой становятся все теснее, а мы слишком отстали от нее. Так или иначе, а она подтянет нас к себе.

Придет серьезное время. Пойдут вопросы о благе народа. Нужно будет кому-нибудь говорить во имя народа. Я должен буду приберечь себя к этому времени

». Ну и кто проявил нетерпение: Чернышевский или жандармское отделение, которое арестовало его, даже не потрудившись объяснить обществу, в чем его вина, а потом сфабриковало обвинение, пользуясь услугами Всеволода Костомарова? Есть такая профессия — делать революцию. Это особая профессия. Невозможно представить себе учебное заведение, которое давало бы своим выпускникам дипломы, позволяющие им менять существующий строй. В отличие от военных, революционеры не могут сослаться на чьи-то приказы. В случае удачи они сами их отдают, а если им не везет, то их просто уничтожают. И все-таки это профессия, которая не у нас началась и не нами окончится. Именно поэтому нужно отличать честных революционеров от мошенников, вроде Петра Верховенского. До сих пор мы рассматривали политические взгляды

Автор: admin
03.10.2010 22:00 -

Волгина, в которых отразились его
интуиция возможностей

(I) и

структурная логика

(L). Но чтобы соционический портрет был более полным, необходимо рассмотреть его отношения с женой. Считается, что Ольга Сократовна Чернышевская была прототипом Веры Павловны из романа «Что делать?». Но, изобразив себя, а также свою жену — под именем Лидии Васильевны Волгиной, Чернышевский показал, что это скорее внешнее сходство. Лидия Васильевна — бойкая живая брюнетка, но в отличие от Веры Павловны, она даже книг не читала, а думала, в основном, о семье и хозяйстве. По моим предположениям, соционический тип Лидии Васильевны — ES (ЭСЭ), и у нее с мужем отношения

активации

. В книге Е. Удаловой «Уроки соционики-2, или Секреты наших отношений» [7] отношения IL (ИЛЭ) и ES (ЭСЭ) описаны следующим образом: «

Дон Кихот

[1]

уверен, что интерес важнее выгоды, чем освобождает Гюго

[2]

от ориентации на социальную целесообразность и открывает новые возможности самовыражения. А Гюго, уверенный, что не нужно сдерживать энтузиазм, помогает Дон Кихоту преодолеть самоограничение при выражении эмоций

». Вот что говорит Лидия Васильевна о своем муже: «

Вы не знаете, Нивельзин, какой это человек! И никто еще не знает! Только я одна знаю это. Я давно узнала это; хоть я и не ученая и не видывала тогда ученых людей. Я поняла это из первых наших разговоров, хоть они были пустые, хоть, разумеется, он не мог говорить со мною ни о чем ученом: я не поняла бы, как и теперь не понимаю, не слушала бы, как и теперь не слушаю. Но это было видно мне. Я узнала, какой это человек; тогда все думали, что он пролежит весь свой век на диване с книгою в руках, вялый, сонный. Но я поняла, какая у него голова, какой у него характер! Потому что без его характера, даже и при его уме, ему нельзя было бы так понимать все эти ученые вещи. Я, не ученая, увидела это из первых разговоров, пустых, обо мне, о пустяках, о моем счастье, — я увидела какая разница между ним и другим! И ошиблась ли я? Вы знаете, как теперь начинают думать о нем. Но его время еще не пришло, они еще не понимают его мыслей, придет его время, тогда заговорят о нем! И пусть будет с ним и со мною, что будет! Я хочу, чтоб о моем муже говорили когда-нибудь, что он раньше всех понимал, что нужно для пользы народа, и не жалел для пользы народа — не то, что "себя" — велика ему важность не жалеть себя! Не жалел и меня! И будут говорить это, я знаю! И пусть мы с Володей будем сиротами, если так нужно!

». Об Ольге Сократовне распускали много сплетен еще при жизни Чернышевского, распускают и теперь. Но я не верю, что можно

так

писать о своей жене, если она этого не заслужила.

Болеслав Иванович Соколовский (FL (СЛЭ))

Знакомый Волгина, Павел Нивельзин (по моей версии — IR (ИЭЭ)), гуляя по Невскому проспекту, обратил внимание на странную пару, которая шла ему навстречу. Дама была в атласном платье, белой собольей шубке и шляпе, украшенной целым садом цветов. Кавалер, наоборот, был один одет в пальто из грубейшего сукна, из-под которого виднелся сюртук, заштопанный около петель. Он шагал так размашисто, что дама еле за ним поспевала, но при этом слушала его со вниманием и изумлением. До Нивельзина долетали отрывки его речи: «*Телесное наказание ... строгость военной дисциплины ... военно-уголовные законы в Англии ... пятьдесят ударов палками ... французская дисциплина...*».

Нивельзин узнал даму. Это была Тенищева, родственница вельможи Илатонцева, богача, принадлежавшего к высшему свету. Она была доброй женщиной, но очень бестолковой и легкомысленной, и уж конечно, ничего не могла понять в том, что он ей втолковывал. Тенищева тоже узнала Нивельзина и представила своему спутнику. Тот сжал ему руку до боли (признак того, что он *волевой сенсорик*) и начал объяснять, какую полезную реформу он задумал. Идея заключалась в том, чтобы отменить телесные наказания в армии. Он прочитал гору специальной литературы, чтобы доказать, что при отсутствии телесных наказаний солдаты лучше воюют, и составил две записки: одну обстоятельную, где он подробно все изложил, другую — короткую, потому что начальство не читает длинных записок. Узнав, что Нивельзин знаком с Волгиным, он очень обрадовался, попросил познакомить его с ним и добавил: «*Я не спрашиваю, могу ли я вами располагать, я вижу, что вы хороший человек*». Когда человек распоряжается другими, не спрашивая их согласия, это говорит об *экстравертной сенсорике*

(F) и
логике

. Волгин громко хохотал, когда Нивельзин пересказывал ему эту сцену, но потом заговорил серьезно. Он сказал, что Соколовский только кажется наивным, а на самом деле все, что он делает, очень умно. На вопрос Нивельзина, зачем ему понадобилась Тенищева, Волгин ответил, что и пустые люди в искусных руках бывают полезны, были бы усердны: «

Нельзя, умных людей не наберешь столько, сколько нужно орудий агитатору, он должен нянчиться с глупыми. "Но никто не уважает ее". Пусть, а ему какая надобность? Все равно, когда ей это не остановка: лезет ко всякому и барабанит.... Невозможно вести пропаганду без помощи дураков и дур, ими все дело красится и цветет

». В романе Тургенева «Отцы и дети» описан аналогичный случай: Базаров возится с дураком Ситниковым и говорит, что «

не богам же горшки обжигать

». То есть все объясняется огромным самолюбием Базарова. Хотя какое же оно огромное, если для того, чтобы его тешить, понадобился Ситников? Наверное, Тургенев наблюдал что-то похожее со стороны и не понял, в чем дело. Волгин заметил, что Соколовский обладает инстинктом политического деятеля, то есть качеством, которого он не видел ни в одном из российских либералов. Но первый разговор Соколовского с Волгиным получился несколько странным: последний заявил, что не только не намерен помогать Соколовскому, но советовал бы ему бросить это дело. Объяснил это так: «

Мои дела в хорошем состоянии, постоянно улучшаются. По природе я человек смирный. Я желаю, чтобы все оставалось как есть, потому что ничего лучшего не сделают для меня никакие реформы

». Это напоминает разговор Чернышевского и Рахметова, который я приводила в статье [2], посвященной роману «Что делать?»: «

Вы либо лжец, либо дрянь

». С точки зрения соционики у Волгина с Соколовским были деловые отношения. Они оба были логиками

, а потому говорили без всяких обид.

Сенсорик

вел себя более напористо, а интуит

— более осторожно. Скоро они встретились по другому поводу. На этот раз Соколовский занялся самой главной крестьянской реформой. Он был заинтересован в том, чтобы она шла по либеральному пути. Благодаря Тенищевой Соколовский познакомился с Илатонцевым и стал своим в его салонах. Он задумал устроить обед и пригласить на него провинциальных помещиков, от которых, собственно, и зависела реформа. Их было много в Петербурге, и они хотели получить информацию о реформе из первых рук. По замыслу Соколовского, они должны были выслушать лекцию известного либерала Рязанцева и согласиться с тем, что либеральный путь самый правильный. А чтобы окончательно их в этом убедить, он пригласил еще и Волгина. Последний должен был вступить с Рязанцевым спор, высказать свои революционные взгляды и напугать помещиков до смерти. Хозяин салона Илатонцев был человеком либеральных взглядов и дружил с французскими социалистами. Ему очень понравился этот план. Волгин не верил в успех задуманного, но, отдавая должное политическим талантам Соколовского, согласился принять участие в этом деле. Придя на обед, Волгин убедился, что помещики действительно очень напуганы. Соколовский выбрал самого умного из них (его в романе называют «усатым помещиком») и стал ему внушать, что помещикам нельзя ссориться с крестьянами, а то правительство не будет им помогать, скажет, что бунт против них, а не против правительства, пусть сами разбираются с крестьянами. Эти мысли усатый помещик тотчас передал другим и добавил, что от разбойников, которые засели в правительстве, можно всего ожидать. Разбойником он называл Савелова, самого известного деятеля реформы, у которого была репутация либерала и чуть ли не красного. Появился Рязанцев. С моей точки зрения, он был SE (СЭИ). Рязанцев старался примирить непримиримое. Он пригласил на обед Савелова, что не входило ни в какие сценарии. Просто Рязанцев считал его своим приятелем и хотел доставить ему удовольствие. Соколовскому это сразу не понравилось. Он планировал обед в домашней обстановке, где помещики должны были принять добровольное решение, а присутствие официального лица испортило бы все впечатление, так как пошли бы разговоры, что решение принято под давлением. Волгин подумал, что будет испорчено не впечатление от программы, а сама программа. Но дальше произошло то, чего не ожидали ни тот, ни другой. Когда Рязанцеву предоставили слово, он сказал, что его друг Савелов расскажет обо всем гораздо лучше, потому что ему «

известны все виды правительства

». Савелов был немногословен. Он сказал, что реформы необходимы, но помещикам беспокоиться не стоит: беспорядков никто не допустит, войска найдутся. Таким образом, он дал помещикам понять, «

что они могут совершенно безопасно оттягивать освобождение крестьян, могут тянуть его так, что и конца не будет проволочкам

». Помещики сразу повеселели, но Волгин понял, что Соколовский готов поднять скандал. Он поднялся из-за стола и направился к выходу. Соколовский нагнал его: «

— *Идите, будем бороться с ними!*

— *Полноте, Болеслав Иванович, какая тут борьба?*

— *Нет, я пойду!*

». Из книги Удаловой «Уроки соционики–2»: «

При инверсии авторитет Жукова

[3]

держится на страхе окружающих, а ресурс всегда может быть отобран у него еще лучше вооруженным кандидатом

». По-моему, описанная выше сцена прекрасно иллюстрирует эти слова. Прототипом Соколовского был польский революционер Зыгмунт Сераковский. В 1863-м году он был повешен за участие в польском восстании.

Владимир Алексеевич Левицкий (ИЛ (ИЛЭ))

Милый друг, я умираю Оттого, что был я честен, Но зато родному краю, Верно, буду я известен. Милый друг, я умираю, Но спокоен я душою... И тебя благословляю: Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбов

Лидия Васильевна Волгина постоянно огорчалась из-за того, что ее муж слишком много работает, а он объяснял ей, что никак не может найти себе помощника. И вот как-то он сообщил, что нашел такого человека: «*Фамилия его Левицкий. Вчера вечером приносит статью — небольшую, — читаю: вижу, совсем не то, как у всех дураков, читаю, думаю: "Неужели, наконец, попадается человек со смыслом в голове?" Читаю, — так, так, должно быть со смыслом в голове. Ну, и потом стал говорить с ним. И вот потому-то, собственно, и пришлось не спать, нельзя, мой друг, за это и ты не можешь осудить. Проговорил с ним часов до трех. Это человек, голубочка, со смыслом человек. Будет работать...*

» О разговоре Волгина с Левицким я уже упоминала, составляя соционический портрет Волгина. Левицкий походил на Волгина не только образом мыслей, но даже и внешне: оба некрасивые, неловкие, несколько сгорбленные, с тускло-серыми глазами в золотых очках. Уже это сходство наводит на мысль, что перед нами

ТО

ждики

. Но чтобы точнее определить соционический тип Левицкого, следует рассмотреть его отношения с друзьями и женщинами. С друзьями Левицкий разошелся, когда они поверили клевете, которую распространял о нем один негодяй. Впоследствии товарищи поняли свою ошибку и раскаялись, но он не захотел мириться с ними. Запись в его дневнике, на мой взгляд, свидетельствует о

болевой этике отношений

(R): «

Для чего хорошо иметь много приятелей? Для того, чтобы иметь наготове людей, когда начнутся серьезные дела. Но могут ли эти легковверные и легкомысленные быть агентами в серьезных делах? Поэтому надобно даже радоваться, что мы вовремя узнали, каковы они. Это предохранит нас от ошибок, когда придется заниматься делом. Чем дальше от них, тем лучше

». Его отношения с женщинами тоже подтверждают его соционический тип. В своем дневнике он подробно рассказал историю Анюты и своего романа с ней, который длился чуть больше трех недель. Анюта была незаконной дочерью одного, по-видимому, богатого человека. Он выполнял свои обязанности по отношению к ней и даже отдал в пансион. Но когда он умер, то его сестра, наследница, не захотела платить за обучение. Выбросить Анюту на улицу она не решилась и сделала ее своей горничной. У девочки был ангельский характер, и она стала идеальной горничной. Но на ее беду, муж барыни стал к ней приставать. Пока Анюта искала удобный момент, чтобы рассказать об этом своей барыне, та подсунула ей в сундучок бриллиантовую брошь и вызвала полицию. В полиции ее били плетьюми, но она так и не призналась, что украла эту брошь. Наконец один из полицейских начальников показался ей добрее других, и она рассказала ему, как все было на самом деле. Он решил ей помочь и взял к себе на содержание. Три года она жила у него, не зная забот, после чего ее счастью пришел конец. Ее благодетелю дали место в провинции, и перед отъездом он женился. Анюту он тоже выдал замуж за одного из подчиненных, но в спешке у него не нашлось для нее подходящего кандидата. Пришлось ей стать женой горького пьяницы. Левицкий застал ее в тот момент, когда она выскочила на лестницу в разорванном платье, а вслед за ней появился мужчина с поднятыми кулаками. Молодой человек влюбился с первого взгляда. Он не колебался ни секунды: потащил буяна обратно в квартиру и связал его веревками. У Левицкого могли быть большие неприятности, но, к счастью, этот субъект так надоед своему начальству, что оно было радо от него избавиться. Через несколько дней был оформлен развод, и Анюта стала жить с Левицким. Она сразу же предложила ему идти работать в полицию, но когда он все объяснил, сказала: «

Разумеется, это нехорошо. Я посоветовала тебе потому, что не думала, хорошо это или нет

». Потом она захотела развлечься и сказала ему, что найдет своих старых знакомых. Он ей объяснил, что это плохие люди. Она опять согласилась, сказав, что она просто об этом не подумала. Кончилось все это тем, что она сбежала от него к купцу из старых знакомых. По словам квартирной хозяйки, это место было очень надежным. Левицкий с трудом пережил этот удар и уехал в деревню, устроившись гувернером сына богатого помещика Илатонцева. По моим предположениям, Анюта была RF (ЭСИ) по соционическому типу, и у нее с Левицким были отношения

конфликта

при инверсии сверхценностей. Из книги Е. Удаловой [7]: «

При инверсии сверхценностей партнер внушает нам "правильный образ мыслей", от которого трудно защититься, а наши попытки прикрыть болевую точку подвергаются постоянному разрушению. Это и вносит болезненную зацикленность и обвинительный уклон в отношения конфликта

». Левицкий был в восторге от понятливости Анюты, но он забыл, что в полиции ее били плетью, и если бы она была способна понимать то, что он ей внушал, то не предлагала бы ему там работать. К сожалению, он это понял, когда они уже расстались. Его отношения с Мери оказались гораздо сложнее, потому что она была по-настоящему незаурядной женщиной. Левицкий познакомился с ней в имении Илатонцевых. Она была горничной, но вовсе не собиралась довольствоваться своим положением. С детства она слышала, как хорошо живут любовницы богатых людей, какие у них наряды и драгоценности, и решила, что будет жить не хуже, чем они. Оставалось найти богатого любовника. Скоро она поняла, что удобнее всего соблазнить собственного барина. Илатонцев к тому времени уже овдовел. Правда, у него была любовница, но он с ней расстался, и вакансия освободилась. К своему удивлению, Мери убедилась, что кокетничать она не умеет, и долго откладывала объяснение в любви. Когда, наконец, она заставила себя сказать, что любит его, то он прочитал ей мораль, а она не знала, куда деваться от стыда. Но она и не думала отступить. Оставив дом Илатонцевых под тем предлогом, что будет работать в Париже конторщицей, она года два жила там, как авантюристка, а потом вернулась обратно. Разумеется, ее не хотели принимать, но она сумела расположить к себе весь дом и даже Левицкого, который сначала отнесся к ней с сильным предубеждением. К тому времени она приохотилась к чтению и задавала ему много вопросов по поводу прочитанных книг. Они подружились, и Левицкому даже в голову не приходило, что она уже достигла цели, к которой стремилась много лет, — стала любовницей своего барина. Но теперь она хотела большего: стать его женой. Чернышевский не сумел завершить роман, но те, кому он читал его в ссылке, свидетельствуют, что Мэри действительно вышла замуж за Илатонцева и вошла в высший свет. По моей версии, Мери — ЕТ (ЭИЭ). Она великолепно умеет воздействовать своими эмоциями на людей: «

По словам Ивана Антоныча, обе горничные, захваченные из Петербурга Алиною Константиновной, в восторге от ласковости Мери; и у всей здешней прислуги взамен расположения завидовать и порицать, с которыми ждали Мери, распространяется восхищение ее простотою и добротою. А Юринька ворвался ко мне с уверенением, что "сестрица очень хороша, а Мери еще лучше"

». Свойственная ей брезгливость указывает на *болевую сенсорику ощущений*

(S). Юринька, сын Илатонцева, заметил, что его приятелям не понравилось, что она велит им утирать носы. По отношению к Левицкому она *подказанный*

, поэтому ей очень важно его мнение. Когда он узнает правду об ее отношениях с Илатонцевым, она приходит в отчаяние: «

Чего же вы потребуете от меня? Я не знаю, на что я не соглашусь, кроме того, чтобы разорвать мои отношения к Виктору Львовичу, — это невозможно. Невозможно! Я столько работала над собою, подвергла себя стольким лишениям, перенесла столько неприятностей для осуществления этой мысли! По приезде сюда успех был быстр, —

быстрее, нежели я сама того желала... Не требуйте от меня того, чего я не могу! На все другие уступки я готова

». Но при этом он понимал, что его передовые идеи не выдерживают ее страшного опыта: «

— *Марья Дмитриевна, Марья Дмитриевна, мне жаль вас!.. — только и мог я говорить, а сам плакал.*

— *Вы опять плачете о том, зачем я не так хороша, как надобно, по-вашему? Юноша, это невозможно, так нельзя жить на свете, — сказала она с грустной шутливостью. — Но за то, что вы сам еще такой хороший юноша и такой добрый друг, поцелуйте меня.*

— *Не хочу, Марья Дмитриевна, я не люблю вас, — проговорил я, а сам плакал хуже прежнего. — Мое сердце ноет за вас, ноет, Марья Дмитриевна!..*

— *Я не так хороша, чтобы можно было поцеловать меня, правда, — сказала она, рассмеявшись. — Поцелуйте же, по крайней мере, мою руку, — она приложила руку к моим губам, поцеловала меня в лоб и ушла.*

А я так и остался тут, на нашей любимой скамье, у ручья, плакать, — и сидел в слезах, пока совсем смерклось, с полчаса, я думаю, сидел я так... В самом деле я бываю иногда похож на ребенка

». Как все это не похоже на хрустальный дворец, где счастливые влюбленные пары то уединяются в отдельных комнатах, то снова объединяются за общим столом. Так зачем же тогда Чернышевский сочинил эту утопию, которая сейчас вызывает столько насмешек? Об этом написал его сосед по Петропавловской крепости Писарев: «*Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, — пишет критик, — если бы он не мог изредка забежать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной красоте то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу себе представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы, в области искусства, науки и практической жизни...*

»

Заключение

В статье С. В. Савченко [6] проводится параллель между квадратами и фазами пассионарного толчка Гумилева. Мне этот подход кажется очень интересным и перспективным, но при этом следует учитывать, что именно подразумевал под этими фазами сам Лев Гумилев. Чтобы разговор был предметным, я предлагаю рассмотреть, как он применял этот подход к истории России. В книге Л. Гумилева «От Руси до России» [4] есть «Сравнительная диахроническая таблица по этнической истории Руси и России» (см. с. 288). Рассмотрим ту ее часть, которая относится к образованию Московской Руси. Получается следующая картина:

1. Фазе пассионарного подъема (1200-1500 гг.), по мнению Гумилева, соответствует

образование Московской Руси-России

, а по мнению С. Савченко — ?-квадра.

2. Акматической фазе (1500 — 1800 гг.) соответствует **образование Российской империи** (согласно терминологии Гумилева, евразийского суперэтноса), или ?-квадра.

3. Фазе надлома (1800-2000 гг.) соответствует **последнее столетие империи Романовых, образование и развал Советского Союза и 90-е годы, т.е. так называемая «Эпоха дикого капитализма»**, или ?-квадра.

По мнению С. В. Савченко, ?-квадре соответствуют такие представления о структурах власти, как первобытнообщинный коммунизм, утопический социализм и военная демократия. Он утверждает, что ?-квадра не создает стабильных государственных образований, а ее идеология может быть определена как «агрессия идеализма». Вряд ли все эти характеристики можно отнести к Московской Руси. Она оказалась более чем стабильным государственным образованием, а таких государственных деятелей 13–16 веков, как Иван Калита, Иван III, Дмитрий Донской, историки считают очень успешными и прагматичными политиками. Описание ?-квадры тоже мало похоже на Российскую империю. Я согласна, что церковь как организация вписывалась в общую схему управления социумом, а социум начинал отождествляться с государством, но среди российских императоров не было фанатиков. Даже такие жесткие правители, как Иван Грозный и Петр I, были скорее прагматиками. Что касается 3-й фазы, то здесь я не согласна и с Гумилевым тоже. 1800-2000 годы были не только эпохой внутренних конфликтов, атеизма и гражданских войн, но **и эпохой создания советской цивилизации**.

Есть другой подход к теории квадр, который изложен в книге Татьяны Якубовской «Соционика: как разобраться в себе и в других» [10]. Она высказывает предположение, что продолжительность каждой квадры равняется 72-м годам. Почему так, она не объясняет, но я решила проверить эту цифру на практике. Татьяна Якубовская считает, что *вторая (?) квадра* начинается с 1917-го года, следовательно, *первая*

(?) должна начинаться в 1845-м году. В своей статье [3], посвященной роману Достоевского «Идиот», я высказала предположение, что именно в 1845-м году Петрашевский организовал свои «пятницы», на которых он пропагандировал идеи Фурье. Это и было началом социализма в России. Если продолжить расчеты, то лучше всего отнять сразу 288 лет, то есть 72x4, чтобы определить начало *первой*

(?) квадры предыдущей смены четырех квадр. Получается **1557**

*?*й год. В этом году Казань вошла в состав России, то есть Московская Русь по факту

стала империей. Продолжим наши расчеты. Отнимаем от 1557 года еще 288 лет. Получается

1269

год. В книге Николая Дорожкина «Загадки русской истории» [5] есть такое утверждение: «

Согласно Л. Н. Гумилеву, игом (с определенными оговорками) можно считать лишь то состояние, когда некоторые русские княжества должны были пополнять ордынские войска своими людьми. Но ордынские "военкоматы" столкнулись с упорным саботажем населения и "отмазками" князей, а в

1269 году

вообще получили "отлуп", и больше по этому вопросу дискуссий не было

». Двумя годами раньше Менгу-Тимур первым из ханов дает ярлык русскому духовенству, урегулировавший взаимоотношения русской церкви с Ордой. Тремя годами позже юному Даниилу по жребию досталось в удел Московское княжество. Таким образом, началось возвышение Москвы. Итак, согласно моей гипотезе, фаза пассионарного подъема (1200–1500 гг.) приблизительно соответствует смене четырех квадр 1269–1557 гг., акматическая фаза (1500–1800 гг.) — смене квадр 1557–1845 гг., а фаза надлома (1800–2000 гг.) и начало инерционной фазы соответствуют смене квадр 1845–2133 гг.

[\[4\]](#)

Чтобы рассмотреть эти смены квадр, которые можно также назвать «*большими квадрами*

», более подробно, нужна не одна статья.

Автор - Инна Блашко

Литература:

1. Библиотека русской художественной публицистики. Шестидесятники. — М.: Советская Россия, 1984.
2. *Блашко И. И.* Соционические типы и интертипные отношения героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Психология и соционика межличностных отношений. — 2008. — № 9. — С. 23?31.
3. *Блашко И. И.* Соционические типы и интертипные отношения героев романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Психология и соционика межличностных отношений. — 2008. — № 4. — С. 30?38.
4. *Гумилев Л.* От Руси до России. — М.: Айрис-пресс, 2007.
5. *Дорожкин Н.* Я познаю мир. Загадки русской истории. — М.: Астрель, 2006.
6. *Савченко С. В.* Идеология квадр // Психология и соционика межличностных отношений. — 2008. — № 4. — С. 5?12.
7. Удалова Е. А. Уроки соционики-2, или Секреты наших отношений. — М., 2007. —

Автор: admin
03.10.2010 22:00 -

266 с.

8. *Филатова* Е. С. Личность в зеркале соционики: Разгадка тайн двойников. — СПб.: Б&К, 2001. — 286 с.

9. *Чернышевский* Н. Пролог. — Издательство Художественная литература.

10. *Якубовская* Т. С. Соционика: как разобраться в себе и в других. От общения к пониманию. — М.: АСТ Астрель, 2003. — 288 с.

[\[1\]](#) IL (ИЛЭ). [\[2\]](#) ES (ЭСЭ). [\[3\]](#) FL (СЛЭ). [\[4\]](#) Согласно закону фрактальности (А. В. Букалов), в каждой из 4-х фаз сменяемости квадр можно выделить по 4 подфазы, которые также будут соответствовать смене 4[?]х квадр. —

Прим. ред.